

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/517/3

Образ Нью-Йорка в русских травелогах 60-х гг. XIX в.

Сергей Сергеевич Жданов^{1, 2}, Наталья Владимировна Федотова^{3, 4}

^{1, 4} Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

^{3, 4} nf2363@gmail.com

Аннотация. Рассматривается репрезентация американских городов в русских травелогах 60-х гг. XIX в., написанных Г.Ф. Армфельтом и Д. Романовым. Центральным в этих произведениях выступает образ Нью-Йорка, маркированный масштабностью, утилитарностью, торговостью. Констатируется, что мотив привлекательности города ярче выражен Армфельтом, Романов акцентирует непривлекательно-коммерческую сторону Нью-Йорка. Отмечены частые сравнения пространств Европы и Нового Света в рамках семиотизации / культурного освоения американского топоса.

Ключевые слова: имагология, травелог, пространство, Соединенные Штаты Америки, Нью-Йорк, Олбани, Вашингтон, образ города, Г.Ф. Армфельт, Д. Романов

Для цитирования: Жданов С.С., Федотова Н.В. Образ Нью-Йорка в русских травелогах 60-х гг. XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 33–44. doi: 10.17223/15617793/517/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/3

The image of New York in Russian travelogues of the 1860s

Sergey S. Zhdanov^{1, 2}, Natalya V. Fedotova^{3, 4}

^{1, 4} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

^{3, 4} nf2363@gmail.com

Abstract. The article deals with representation of American urban spaces in the Russian travelogues "Hudson River" and "Montreal" by D. Romanov, as well as "Corvette 'Varyag' " by G.F. Armfelt, written in the 1860s. The central space in these texts is a representation of New York City. The common elements are also the factual manner of narration and a number of motifs that characterize the American urban space: gigantism, fullness of movement and people, money, commercialism, industrialism, technical civilization, service, utilitarian rationality, combined with the motif of lack of culture and manners of Yankees, which, in turn, actualizes the motifs of uninterest/boredom/mediocrity, manifested, when describing provincial urban topoi and, in general, cultural loci of museums, theaters, etc. In addition, Russian authors often use methods of comparison, defamiliarization and travesty when fixing Americanness as more Foreign (the embodiment of the New World space) relative to less Foreign (Western Europeaness) and their Own (Russianness), which are spatial variants of the Old World territory. At the same time, there is a number of differences in Romanov's and Armfelt's depiction of American cities. The first one emphasizes the representation of the "non-glamorous" part of New York, embodied in the harbor locus, which is marked by motifs of unattractiveness, commercialism, utilitarianism, and mud. The harbor image also combines the values of mediation and at the same time the boundary between the inner (urban) and outer spaces. Broadway in this context acts as a mediation place, connecting the business loci of the City and Wall Street with the harbor within the topos. Armfelt, on the contrary, describes more the "ceremonial" New York, fixed in the central loci of Broadway, avenues and "named" streets, marked by features of attractiveness, luxury, wealth and partially commerce (in shops description). However, the New York spatiality in "Corvette 'Varyag' " is also ambivalent and contrasting, which is embodied in local manifestations of the motifs of attractiveness and unattractiveness, wealth and poverty in the whole area of the city. At the same time, Armfelt's descriptions of charitable institutions are characterized by motifs of cleanliness and orderliness, which marks New York by the denial of beggarism. In Romanov's text, the motifs of novelty and frontier are more vividly manifested in the depiction of New York neighborhoods. In general, town space of the USA, unlike New York, is poorly described by both authors. Romanov more often emphasizes an idyllic demi-naturalness of these places. Armfelt's representation of the American urban province is more critical, with more entropic, negative features, including those related to the war

space in the American North. On the other hand, Romanov, albeit weakly, depicts the American space of historical memory. In Armfelt's text it is virtually absent.

Keywords: imagology, travelogue, space, United States of America, New York, Albany, Washington, city image, G.F. Armfelt, D. Romanov

For citation: Zhdanov, S.S. & Fedotova, N.V. (2025) The image of New York in Russian travelogues of the 1860s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 33–44. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/3

Образы Чужого, которыми занимается имагология, чрезвычайно важны в любой культуре, поскольку интенсифицируют механизмы культурной самоидентификации, позволяют через сравнение, противопоставление и обнаружение сходства конструировать образы Своего. Активный диалог культур, в который русская культура вступает с иными культурами в XIX в., находит отражение во множестве отечественных произведений, в частности, в травелогической литературе, породившей в том числе целый пласт городских текстов, что является закономерным, если учесть важность урбанистических образов как семиотически значимых пространств, центров антропности, концентрирующих в себе смыслы, обусловленные оппозицией «Свое – Чужое».

Отечественное литературоведение имеет давнюю традицию изучения городских текстов, в частности петербургского [1–3]. Освоенное русской словесностью урбанистическое пространство Чужого анализировалось в работах по репрезентации Венеции [4], Неаполя [5], Парижа [6], Берлина [7], Лондона [8]. Разумеется, не были обойдены вниманием и городские тексты Нового Света и, в частности, интересующих нас в данной статье Соединенных Штатов Америки, пространство которых активно семиотизировалось в русской культуре в XIX в. и далее. Примерами литературоведческих работ по этой проблематике могут служить исследования образности американских городов в путевой прозе П.П. Свинына [9], П.С. Алексеева [10], в творчестве авторов XX столетия И. Ильфа и Е. Петрова [11], И.Г. Эренбурга и В.П. Некрасова [12], И.В. Елагина [13] и многих других [14, 15].

Но в исследовании образов городов США еще имеется немало лакун. Так, насколько нам известно, до настоящего времени за рамками внимания литературоведов оставались следующие травелоги 60-х гг. XIX в.: два из них, «Река Гудзон» [16] и «Монреаль» [17], представляющие собой единое повествование, были опубликованы Д. Романовым в «Морском сборнике» в 1862 г., а третий, «Корвет “Варяг”: Воспоминания из кругосветного плавания. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 гг.» Г.Ф. Армфельта [18], был издан в 1867 г. Атрибуция последнего автора вполне определена. Это Густав Федорович Армфельт, который после окончания Морского кадетского корпуса был произведен в гардемарины, а по завершении кругосветного плавания на «Варяге» – в мичманы. Сложнее определить, кем является Д. Романов. Но ряд косвенных свидетельств позволяет предположить, что это инженер-полковник, географ, этнограф Дмитрий Иванович Романов. Во-первых, он действительно совершал путешествие по Северной Америке, кроме того, печатался в том числе в «Морском сборнике», а также писал об армии Соединенных Штатов. Во-вторых, в сферу интересов

данного автора входили железные дороги, описанию которых в Америке уделено существенное внимание в «Реке Гудзон» и «Монреале». Таким образом, оба автора имеют отношение к российской военной элите, что, как будет показано далее, отражается в их ироническом отношении к американским буржуа, участвовавшим в войне Севера и Юга.

Целью нашей статьи, соответственно, выступает имагологический анализ городского пространства севера США (и прежде всего Нью-Йорка). Для выявления смыслового ядра рассматриваемого топоса в текстах, а также отдельных авторских вариантов авторы работы прибегают к методам мотивного анализа и семиотики пространства в русле характерного для современного литературоведения тренда на spatial turn, поскольку «пространствоцентричный подход» [19. Р. 111] полагается нами весьма значимым и еще не до конца реализовавшим свой потенциал инструментарием литературоведческой имагологии.

Следует заметить, что тексты Армфельта и Романова, выступающие в качестве материала нашего исследования, относятся к одному периоду в истории Америки – гражданской войне между Севером и Югом – и имеют центром своего повествования по большей части одинаковые топосы, а именно образ Нью-Йорка с его окрестностями и реки Гудзон. Общим для травелогов Романова и Армфельта является также достаточно безыскусный, фактографический нарратив, в рамках которого представлена американская пространственная образность. В то же время тексты имеют и ряд отличий.

Так, Романов выстраивает свою репрезентацию Нью-Йорка исходя из образа гавани и практически игнорируя локус фешенебельного центра города – Бродвея, столь значимый не только в тексте Армфельта, но и в более раннем травелоге П.П. Свинына [9. С. 102]. Соответственно, это остраивает нью-йоркский образ в романовском произведении, акцентируя то, что центр города, его «витрина», едва намеченная общими штрихами и маркированная мотивами упорядоченности и чистоты, является лишь медиационно-транзитным локусом и «надстройкой» над экономическим «базисом», представленным деловыми пространствами гавани, а также Сити и Уолл-стрита: «...только Бродвей, 5-ая Авеню и другие из новых улиц почище и вымощены тесаным камнем: но ведь надобно же хотя где-нибудь иметь возможность ездить в Сити, в Wall-street и т.п., обрабатывать дела, торговать и наживать деньги»¹ [16. С. 187]. Усиливая эффект остраивания, автор выстраивает репрезентацию Нью-Йорка через отталкивание от образов городов Старого Света, в том числе от образов русских городов как элемента «своего» пространства.

В частности, если локусы Петербурга и Одессы характеризуются привлекательностью, щегольством, то для Нью-Йорка, следуя логике обратности, свойственны непривлекательность²: «...ни одна из его длинных набережных, протягивающихся на десятки миль, не имеет такого красивого и щегольского вида, к которому мы так привыкли в Петербурге или в Одессе» [16. С. 185].

Непривлекательность города объясняется как следствие утилитарности нью-йоркского пространства, устроенного рационально с целью облегчения производственно-торговой деятельности, что подается в целом в качестве типажной черты американскости: в Нью-Йорке, «также как и во всех американских городах, от берегов вытянуты в реку деревянные пристани, разгораживающие всю набережную на небольшие бассейны, ковши, или, пожалуй, стойла, сплошь набитые кораблями, барками, пароходами и т.п. Нельзя отрицать, что это чрезвычайно удобно для загрузки и выгрузки <...> этими поперечными пристанями увеличивается в несколько раз общая длина всей набережной, суда избавляются от необходимости размещаться вдоль набережной в несколько линий, каждое имеет свое сообщение с берегом, не перепрыгивая с одного судна на другое, и может отойти от берега, не дожидаясь очереди и не тревожа соседей» [16. С. 185–186]. Мотив утилитарности по отношению к размещению в пространстве отличает локус нью-йоркского порта от петербургского и гамбургского: «суда <...> не занимают по длине ее много места, как, например, в Петербурге или Гамбурге» [16. С. 186]. С данным американским пространством тесно связаны также мотивы активности и наполненности этого места (движением, людьми, различными техническими артефактами, относящимися к производственно-торговой деятельности): «Эти пристани обыкновенно заставлены телегами, привозящими и отвозящими грузы; на многих из них вы увидите краны, железные дороги, даже настоящие станции железных дорог; все кипит жизнью и деятельностью, все это убеждает вас в громадном развитии торговли»; «пристани и доки с их бесконечным движением» [16. С. 186]; река, «испещренная судами, снующими взад и вперед перевозными пароходами (Ferry-boats)»; [16. С. 188]. В тексте Армфельта мотив наполненности движением, более проявленный в Нью-Йорке, чем в петербургском пространстве Своего («что за движение на улицах после Петербурга!») [18. С. 18]), связывается уже с мотивом ретардации, затрудненности движения: «Быстрое движение... пассажирских пароходов <...> во все концы, и ferry вместо мостов между Нью-Йорком и Jersey-city... делают проезд с рейда на берег весьма затруднительным» [18. С. 16–17]; «East-river мало отличается от North-river; те же ferry, бесчисленное множество пароходов с буксирами и без них... страшно затрудняют переезд через реку на шлюпке» [18. С. 49]. В самом городе мотив движения выражен градуально (в наибольшей степени – в центре): авеню «мене оживлены» [18. С. 15] по сравнению с Бродвеем: «легче ходить по тротуарам, на которых по Broadway подчас придется и проталкиваться» [18.

С. 16]. В то же время «по всем улицам движется огромное количество дилижансов» [18. С. 16]. Кроме того, непрерывность движения подчеркнуто связана с деловитостью/утилитарностью: «Проследите за каким-нибудь прохожим, куда он шагает в своих плосконосых сапогах? Если он идет из дома в “business”, вы его не поймаете» [18. С. 18].

У Романова оборотной стороной американской утилитарности, как уже было сказано, является визуальная и ольфакторная непривлекательность нью-йоркского пространства, игнорирование эстетического элемента, что также усилено мотивами грязи и затрудненного движения, роднящими нью-йоркские локусы с их петербургскими периферийными аналогами, противопоставленными центральным локусам русской столицы и других городов Старого Света – Одессы, Триеста, Женева: «...все это те же <...> петербургские сальные, сельдяные, пеньковые и прочие буяны, или Рожковская пристань у Невской лавры, или рыбинская набережная в развале навигации. Та же грязь и вонь, те же непроезжаемые мостовые, та же невозможность протолкаться между толпами всякого сброда, между лошадьми и телегами, отнимающими здесь у пешеходов даже и последнее их убежище – тротуары» [16. С. 186]; «вам хотелось бы погулять, как гуляют по Дворцовой и Английской набережным в Петербурге, по бульвару в Одессе, или по набережным в Триесте и Женеве. Но не трудитесь искать этого в Нью-Йорке, или в каком бы то ни было американском городе» [16. С. 187]. Мотив грязи последовательно повторяется нарратором при описании коммерческого Нью-Йорка, подчеркивая утилитарность и торговость пространства: «картина с сопровождающей ее вонью и грязью»; «Одно еще вы встретите здесь, – так же, как и на прочих улицах Нью-Йорка, – чего не встретите ни в Петербурге, ни в Архангельске, ни в Одессе: это полуразвалившиеся деревянные ящики, выставленные на тротуарах и наполненные всяким сором и нечистотами, которые выбрасываются в них всеми обитателями соседних домов. Какая нужда, что эта грязь и вонь вредят общественному здоровью, что проходящие задыхаются от вони и пачкают свое платье... all right! Это не мешает торговле, а потому никто и не обращает на это ни малейшего внимания» [16. С. 186]; «все десятки миль набережных заняты только пристанями, доками, – этими своего рода буянами, с их вонью, грязью, непроходимыми тротуарами, не проезжаемыми мостовыми. Это бордюр, окружающий Нью-Йорк с трех сторон. Загляните внутрь города: та же грязь, те же ужасные мостовые, те же сорные и помойные ящики на тротуарах <...> торговля великое дело: но все-таки я бы очень пожалел, если бы наши Английскую и Дворцовую набережные обратили в сальные и сельдяные буяны, или если бы срыли московские бульвары для учреждения толкучего рынка или пудретного заведения» [16. С. 187].

В отличие от Романова, Армфельт больше внимания уделяет описанию «парадной» части Нью-Йорка, хотя и в его тексте встречаем негативное изображение локуса пристани, маркированного непривлекательностью, неупорядоченностью («отвратительная пристань... с каким-нибудь скверным деревянным трапом» [18. С. 17]). Отсюда – подчеркивание мотивов

привлекательности³, богатства и упорядоченности в репрезентации городских локусов: «удивительно правильно выстроенный... великолепный город»; «великолепная улица – Broadway», которая «совершенно переполнена богатыми магазинами» [18. С. 15]; «великолепный магазин готового платья»; «По обе стороны (Бродвея. – *Авт.*) роскошные отели, великолепные магазины» [18. С. 17]. Этим обусловлен также выбор локуса Своего, выбранный для сравнения. Если у Романа это малопривлекательные рабочие пристани, то Армфельт уподобляет Бродвей Невскому проспекту: «Broadway – это Невский проспект»; ее магазинам «немного уступят магазины Невского проспекта» [18. С. 15]. С исчезновением мотива торговости уменьшается, однако, и привлекательность армфельтовского Нью-Йорка: менее оживленные авеню «уж не переполнены магазинами» [18. С. 15]. Не имеющие же названий, а просто пронумерованные (следствие американской утилитарности) улицы маркированы мотивами нероскошности, непривлекательности и грязи, что соответствует романовской репрезентации: «...уж совершенно простые улицы, гораздо грязнее, уже и некрасивее Петербургских улиц, и чем дальше от устья, тем хуже и хуже» [18. С. 16]. В этом контрасте, т.е., по сути, неравномерном распределении привлекательности в городском пространстве, Нью-Йорк отличается, по мнению Армфельта, от Петербурга: «...если Невский проспект и уступает немного Broadway, зато Петербург гораздо ровнее: хороших улиц больше, и большинство улиц гораздо лучше, и не так видна разница, как между Broadway и какою-нибудь Greenwiche Street» [18. С. 16]. В то же время в Нью-Йорке Армфельта отрицается мотив нищеты: «...только изредка увидишь старика на улице в цилиндре, на котором роковая надпись "I am blind" дает ему обильное дневное пропитание; в другом виде вы не встретите нищеты» [18. С. 23]. Локусы же нью-йоркских богоугодных заведений («госпитали, тюрьмы, рабочие дома, сиротские дома и сумасшедший дом» [18. С. 22–23]) маркированы мотивами чистоты, упорядоченности и утилитарности: «Все эти здания удивительно чисты <...> Когда мы проходили в сиротских домах, несколько сот мальчиков белых и черных пели гимны. С каким сочувствием смотришь на эти заведения! последний нищий и выучится, и будет полезен» [18. С. 23].

Соответственно, связанные с мотивом утилитарности мотивы денег и коммерции являются определяющими в романовской характеристике города и американского пространства вообще: «но все это только для торговли, – как весь Нью-Йорк, как все Соединенные Штаты созданы для торговли»; «Нью-Йорк действительно... торговый город» [16. С. 186]; «Здесь не гуляют⁴, а торгуют, набивают карманы, составляют капиталы; поэтому здесь все только к этому и приспособлено»; «Деньги здесь все: – все, что дышит, возвращается, существует, – все это торгует, наживается, лопается, и ничего не хочет знать, кроме денег и торговли» [16. С. 187]. Более того, сфера коммерции вторгается в природное пространство через мотив рекламы, травестирующий и остраивающий описания дикой природы: «Гудзон... непохож на другие реки Старого света еще

и тем, что по берегам его на каждом гладком утесе или большом камне вы заметите огромные надписи: объявления и адреса разных фабрик и магазинов Нью-Йорка и других городов. Подходя в West-Point, вы еще издали примечаете с парохода огромные письма на огромном отвесном утесе, как будто нарочно для того обтесанном. Вы воображаете, что это какая-нибудь историческая надпись, но, подходя ближе, читаете со середины реки, что это адрес какого-то магазина в Нью-Йорке – Broadway № такой-то» [16. С. 195]. Соответственно, граница между коммерческим/утилитарным и естественным/неутилитарным в романовском американском хронотопе стерта, причем это стирание тотально и гипертрофированно-гротескно: «Эта любовь к выставке всякого рода объявлений и афиш развита у американцев до совершенства, или вернее до сумасбродства. В Нью-Йорке вы увидите афиши ходячие, на спинах посвятивших себя этому ношению джентльменов, ездящие, или возимые на особых экипажах, у которых ими оклеены все стороны кузова; вы увидите их нарисованные на боковых стенах домов, приставленные к фонарным столбам на тротуарах, вывешенные на флагах поперек улиц, наклеенные на всех заборах, на куче кирпичей возле строящегося дома, на телеграфном столбе, на приступках лестниц, на ступеньках тротуара, при переходах поперечных улиц и даже сбоку тротуарной канавки. Вы найдете их и вне города <...> по гудзоновской железной дороге: пред вами замелькают надписи, накрашенные или нацарапанные на больших камнях и на береговых скалах» [16. С. 195–196].

В известном смысле, с мотивом рекламы связан и мотив американского национализма, воплощенный в образе американского флага как товара и одновременно средства продвижения американскости, утверждения ее в пространстве. Это уже реклама не столько коммерческая, сколько политическая, но обладающая свойством той же тотальности охвата, что и предложения промышленных товаров. Здесь Романовым выстроена восходящая прогрессия в маркировании пространств этим травестийным мотивом, где для России типична минимальная выраженность пристрастия к государственным символам, Европа представляет собой промежуточный вариант, а США маркирован национализмом наиболее явственно: «...знамена и флаги союза – это слабость американцев. У нас не в обычае выставки подобного рода официальных атрибутов, но посмотрели бы, как они распространены в Европе, где все, начиная с парламента и кончая бочкой, поливающей улицы, не может обойтись без гербов, без флагов, без надписей, всякого рода высокопарных титулов, пускающих пыль в глаза, афиш и объявлений. Что же сказать... об Америке, где одноглавые орлы и полосатые флаги не дают вам прохода. Флаги американского союза вывешены на улицах, на отелях, у дверей и в окнах магазинов; они продаются для детской забавы в игрушечных лавках; они нарисованы на всех омнибусах, на обертках конфет, на конвертах для писем, выставлены у трубы паровоза, у типографского станка, у говядины на мясном рынке, у орехов и яиц в мелочной лавке» [16. С. 199].

Травестия, на наш взгляд, обусловлена непривычным для русской культуры того времени смешением политической пропаганды и проявлений национальной гордости, которая, с точки зрения автора, товаром (или брендом, говоря современным языком) не является, а продвигаемая как товар становится осмеиваемой. Характерно в данном смысле соположение «высокого» и «низкого» образов (например, «флага» и «говядины») в едином месте коммерческой сферы, когда это соположение остраивает и снижает «высокий» контекст. Следовательно, мотив национализма как товара актуализирует мотив игры (с коннотациями наигранности, условности и ребячливости, т.е. игры как занятия детей), что, в свою очередь, переносится на образ гражданской войны между Севером и Югом как театральности, игры в войну северян⁵: «...флагами играют и дети, и взрослые; теперь ими играет и войско, которое имеет по несколько флагов и знамен и в укреплениях, и в лагерях, и в батальонах, и в ротах, и на всех пушечных лафетах. Их не повесили еще на лошадей, хотя к этому шаг уже сделан: на многих экипажах в Нью-Йорке вы увидите нарисованных лошадей, держащих в ноге флаг союза. Американские флаги весьма красивы, гораздо красивее самого войска» [16. С. 200].

Если мотивы американских рекламы и национализма показаны гротескно-комически, то мотивы цивилизованности, удобства и техницистской упорядоченности пространства Нью-Йорка и его окрестностей относятся к положительным проявлениям общей американской утилитарности, что проявляется в описании различных техносферных локусов в травелог, например, Кротоновского водохранилища и нью-йоркской системы водоснабжения: «Один из таких акведуков, замечательный по величине и по сооружению, перекинут у самого Нью-Йорка, через Гарлемскую реку... и называется High bridge (Высокий мост)» [16. С. 190]; «чудный мост»; «Среди такой живописной местности Высокий мост (High bridge) поражает не столько своею громадною, сколько простотою и солидностью постройки» [16. С. 191]. Особо подчеркнута коммерческая сторона проекта, а именно затраченные на строительство гигантские суммы, уникальные по своим размерам: «Такие громадные и монументальные сооружения обошлись около 18 миллионов руб. (до 14 000 000 долларов) и... не имеют ничего на свете себе подобного» [16. С. 191]. Здесь вновь акцентирован мотив рациональной утилитарности американцев, которые посчитали разумным посредством вложения капитала и инженерных (технических) усилий⁶ удовлетворить потребность города в воде, что отличает пространство США от Старого Света в его европейском и русском вариантах: «...все эти баснословные издержки для одного только и... весьма простого и обыкновенного дела – снабдить город водою <...> Затрата подобных капиталов на такое обыкновенное дело в Европе покажется смешною, а в России совершенно дикою: ведь живем же мы 150 лет на берегу чистой невиской воды да пьем же вместе со всем полумиллионным населением Петербурга гнилую воду из каналов? И ничего: слава Богу здоровствуем. А о других русских городах и говорить нечего» [16. С. 191–192]. Изображение нью-йоркской системы

водоснабжения как части американской техносферы и – шире – как проявление мотива цивилизованности жизни, впрочем, подвергается остраиванию и травестии. В этом смысле русская нецивилизованность, т.е. неразвитость техносферы, внезапно подается как достоинство, следуя той логике, что чем сложнее техника, тем больше она подвержена влиянию энтропии, а простые системы, наоборот, более надежны в противостоянии вторжению хаоса в антропный топос. В результате поломки водопровода Нью-Йорк уподоблен антиантропному пространству Аравийской пустыни; Петербургу же, не имеющему такой системы, подобная опасность не грозит: «Здесь... нет ни ведер, ни бочек, ни водовозов: всякий привык видеть в своей квартире кран с водою, торчащий и в кухне, и над ванной, и над умывальным столиком, и над клозетом. Вдруг все остановилось: десятки тысяч жителей без воды, как в Аравийской пустыне. <...> Не правда ли, как это все диво для нас, русских? В городе лопнула какая-то труба, а они кричат об этом как будто Бог знает о каком общественном несчастье <...> Выходит, что слава Богу, что у нас в Петербурге сохранились еще до сих пор водовозы, водоносы, ушаты, шайки, ведра с их необходимыми атрибутами – грязными лестницами, обледенелыми ступенями, портомойными прорубями и скользкими пристанями...» [16. С. 192]. О техницистской цивилизованности нью-йоркского пространства свидетельствует и система добычи льда из «небольшого озера Rockland» для нужд города: «Пилка льда производится особыми машинами, которые <...> работают гораздо успешнее и отчетливее, чем наши пешни, багры и дровни» [16. С. 193]. Ср. также размышления о рациональном производстве «земледельческих машин» в Америке: «Дороговизна рабочей платы породила здесь бездну всякого рода машин, приспособленных ко всем отраслям хозяйства, но машин несложных, дешевых, которые поэтому и распространены везде, начиная с самой бедной фермы» [16. С. 202–203].

Наконец, мотив цивилизованности американских городов⁷ актуализирован в романовском описании развитого гостиничного бизнеса Нью-Йорка и Ольбани как следствия их торговли, т.е. в связи с мотивом коммерции: «Здесь, в Delavan House (в Ольбани. – Авт.), также, как и в Нью-Йорке, за 2½ доллара в день, отведут вам комнату с газом, водою, бархатными коврами и безукоризненно чистой кроватью. В столовой, в передней, в парлорах (гостиных) вы встретите такую же толпу леди и джентльменов, как и в Нью-Йорке; словом, нет признака провинции, даже число номеров в отелях доходит до нескольких сот» [17. С. 189–190]. Тот же мотив цивилизованности (сервиса) как частного случая упорядоченности пространства встречаем в армфельтовском изображении нью-йоркских гостиниц: «Отели Нью-Йорка не даром пользуются всемирною известностью – это действительно верх совершенства – благоустройство доведено до *non plus ultra*» [18. С. 16]. Сублокус отельного ресторана в Нью-Йорке также маркирован мотивами роскоши («бархатные диваны», «мраморный стол») и удобства: «...по окончании завтрака или ужина является на стол картонный билетик с печатным номером вроде 5.20, по которому

вы платите <...> тут... виден янки: все просто и удобно; ваше дело сесть, сказать или показать пальцем на название какого-нибудь блюда, а прочее делается как-то само» [18. С. 17]. Также мотив сервиса, как и в романовском тексте, характерен для пространства не только для Нью-Йорка, но и относительно «провинциального» Балтимора («отели великолепны» [18. С. 40]; «Страшное развитие отельной жизни... объясняет то, что отели в таких городах доведены до замечательного совершенства» [18. С. 40–41]) и Олбани («великолепная гостиница» [18. С. 24]).

В то же время, подчеркивая мотив цивилизованности (в техницистском смысле) американского пространства, Романов отрицает в последнем наличие мотивов культурности, в смысле неутилитарной деятельности, воспитанности и эстетичности. Нью-Йорк и Олбани ориентированы на торговлю и уступают топосу Европы в проявлениях искусства, что актуализировано в описании культурных локусов: «В Олбани, как и в других американских городах, есть своего рода коллегии, институты, библиотеки, но, нагнав себя на все это в Европе, здесь не стоит терять время на осмотр их. Все эти отрасли, как и все искусства, литература, словом все так называемые изящные искусства стоят в Америке далеко ниже Европы, потому что все население ударило только в торговлю и в способы нажива денег» [16. С. 202]. Мотив американской неразвитой культуры у Армфельта проявлен в репрезентации локуса нью-йоркского театра, где пространство Нового Света противопоставлено Старому как более культурно развитому: «...в чем Петербург бесконечно превосходит Нью-Йорк – это театрами; смешно было бы сравнивать американские театры с французскими, немецкими, а уж подавно с Петербургскими, превосходящими как говорят даже итальянские и Лондонские» [18. С. 16]. Из этой «некультурности» США проистекает мотив скуки, характеризующий американское городское пространство (Балтимора): «провели время довольно скучно. Интересного ничего нет» [18. С. 41]. Мотивом безвкусицы/пошлости маркировано музыкальное (относящееся, по идее, к сфере искусства) сопровождение романовского плавания по Гудзону на пароходе, которое, однако, нравится неискушенным американцам: «С пристани несутся звуки музыки: это большой, – и надо добавить плохой, – орган, который янки поставил на своем пароходе и приделал к нему привод от паровой машины, которая, таким образом, вертит и орган, и колеса парохода (здесь мотив утилитарности подавляет мотив искусства. – *Авт.*). <...> вместе с ним укрывается невидимый господин, играющий по клавишам его как на фортепиано, – и надо прибавить, играющий весьма фальшиво. <...> А публика ловится на эту приманку; значит, янки верно рассчитал на ее вкус, купивши старый церковный орган» [16. С. 187]. Кроме того, Романов неоднократно упоминает невоспитанных янки, которые сидят, поставив ноги в сапогах (часто грязных) на стол, всюду плюются жевательным табаком. Мотив невоспитанности американцев встречаем и в тексте Армфельта при описании локуса отеля: «Кругом огромного количества столов расселись янки; кто сидит просто и читает газету, отплевываясь в обе стороны, и задравши ноги выше головы

<...>; кто заливает завтрак стаканом brandy-and-water и проч.» [18. С. 17].

Еще одним важным свойством нью-йоркского топоса и его окрестностей является мотив гигантизма, в том числе превосходящего масштабность пространств Старого Света. Так, пристани Нью-Йорка – это «помноженные на несколько тысяч раз» рабочие пристани Петербурга. При этом нью-йоркская образность континирована не только с европейскими пространствами (среди которых автором мыслится и российское), но и с «ориенталистскими» топосами. Помимо вышеупомянутого контекстного уподобления города Аравийской пустыне, в изображении строящегося локуса нового большого водохранилища в Центральном парке Нью-Йорка мы встречаем сравнение данного резервуара с древнеегипетским озером Мерида по признаку масштабности: «Теперь в Центральном парке... создается огромное – чуть ли не новое Меридово озеро, которое будет служить новым резервуаром... Кротоновского водопровода» [16. С. 192]. В целом мотивы масштабности и густонаселенности встречаем на всем протяжении описания нью-йоркского пространства и его окрестностей: «Нью-Йорк действительно громадный... город» [16. С. 186]; «стотысячные города Бруклин, Нью-Джерсей, раскинувшиеся на их берегах напротив Нью-Йорка» [16. С. 186–187]; «ширина ее (реки Гудзон. – *Авт.*) здесь, как две наши Невы у Петропавловской крепости; на одном берегу раскидывается необозримый Нью-Йорк, которого видны только крыши домов, верхи церквей, а прочее все закрыто лесом мачт; с другой стороны Jersey, Hoboken, Weehawken, – целые наши губернские города с 20-ти тысячным населением⁸, а здесь не более как предместья, исчезающие пред громадностью Нью-Йорка»; «обширная панорама широкой реки, испещренной судами, снующими взад и вперед перевозными пароходами (Ferry-boats)» [16. С. 188]; «Кротоновский водопровод есть гигантское, и едва ли не величайшее в свете сооружение для снабжения города водою»; «огромная подземная труба в 40 миль (60 верст) длиною» (акведук) [16. С. 190]; «массивные каменные стены в виде огромного четырехугольника» (Большой Приемный резервуар); Раздельный резервуар «есть... целый квартал... окруженный высокими и массивными гранитными стенами в египетском стиле» (вновь маркер египетскости в американском пространстве в связи с водностью. – *Авт.*); «Такие громадные и монументальные сооружения... не имеют ничего на свете себе подобного» [16. С. 191]; «Американцы, смеясь, говорят, что для катанья по этому озеру они выстроят на нем винтовой стопушечный корабль; теперь же все их катанья по великолепным бассейнам и озерам Центрального парка ограничиваются пока простыми шлюпками. Надо видеть эти гигантские работы на самом месте <...> чтобы судить о громадности их» [16. С. 193].

Мотив гигантизма, связанного, в свою очередь, с мотивом уникальности, т.е. стремление построить все самое большое в целом свете, находим и у Армфельта в описании Центрального парка Нью-Йорка, остранившегося, однако, сравнением с русским парковым локусом, превосходящим американский по масштабности:

«громадный парк (Central Park) по уверениям жителей наибольший в свете (что... совершенная нелепость – наш царско-сельский парк гораздо больше)» [18. С. 16]. Мотив вертикальной и горизонтальной масштабности выражен в уличном пространстве центральной части Нью-Йорка: «Огромные 5-и, 6-и этажные дома ее, имеющие по этажу или по 2 под землею, тянут ее на расстоянии 4½ миль. Почти параллельно ей идут Avenue 1-е, 2-е и т.д.; из них некоторые, напр. 5-е немного уступают Broadway по зданиям» [18. С. 15].

Иные города в травелоге Романова описаны в общих чертах, сливаясь, по сути, в единый демиприродный ландшафт по берегам Гудзона, где локусы городков, деревень, ферм, парков, промышленных объектов фактически объединены как предместья Нью-Йорка. Это пространство отмечено мотивами привлекательности, уюта и упорядоченности как следствия вмешательства антропоности: «Они (скалы. – *Авт.*) составляют ряд холмов уже обделанных, прикрашенных рукою человека; они оживлены дачами, фермами, фабриками, деревнями и городами; по скатам их стелются приветливые лужайки парков и садов, в лощинах вырезаются белые струйки пара и облака густого дыма, вырывающиеся из высокой трубы фабрики или завода; у подошвы лепится у самой воды гудзоновская железная дорога, а выше эти скаты прорезываются водопроводом, снабжающим водою весь Нью-Йорк из кротоновского резервуара» [16. С. 189]; «серые и угрюмые скалы <...> весьма приветливо оживляются виллами и фермами, разбросанными по берегам. Это дачи Нью-Йорка» [16. С. 191]; «следуют один за другим уютные деревни, или городки – Naverstraw, Peakskill...» [16. С. 193]; «Все это оживлено дачами, деревнями, городами, которые виднеются здесь весьма часто» [16. С. 196]; «окрестности их (городков. – *Авт.*) служат любимым летним убежищем нью-йоркских жителей» [16. С. 198]. При этом нью-йоркский топос показан в становлении, маркирован постоянным расширением⁹. «Всепоглощающий» [17. С. 189] город осваивает все большие пространства дикой природы, причем по плану, следуя целерациональной логике развития: «...южный... берег... принадлежит уже к самому городу: купивши план Нью-Йорка, вы увидите на этом месте длинные авеню... и поперечные улицы 200 нумеров, правильно распланированные, но на месте не найдете ничего, кроме скал и леса. Но городу предположено распространиться до сих мест <...> и все планы заранее уже отпечатаны в ожидании этого распространения» [16. С. 191]. Соответственно, демиприродное окружение Нью-Йорка (как часть Нового Света) характеризуется меньшей упорядоченностью, большей дикостью в сравнении с ландшафтами Западной Европы. Здесь явственнее выражена фронтирность¹⁰ через мотив борьбы человека с природой: «...это не Рейн и не Саксонская Швейцария; в Америке вы вообще не встретите этой выглаженной, выбритой, подстриженной и припомаженной немецкой природы. Здесь везде, на каждом шагу, все вам указывает, что пространства еще преодолевают человека, что он не принужден еще обращать свое поле в сад или огород и что ему еще некогда подстригать свои сады и заборы и приглаживать свои луга и посевы» [16. С. 196].

В тексте Армфельта схожесть Гудзона и Рейна, наоборот, подчеркивается, вероятно, на основании мотивов живописности и масштабности речных топосов: «Живописны для художника берега этого американского Рейна!» [18. С. 18].

Несколько антропных топосов, впрочем, отмечены в романовском тексте особо. Это, например, Вест-Пойнт, «замечательный пункт» [16. С. 195], маркируемый стратегической значимостью («всегда бывший и до сих пор остающийся ключом Гудзона»), наличием военной академии («военная академия – единственное и образцовое в своем роде учреждение в Соединенных Штатах» [16. С. 194]) и привлекательностью расположения («великолепное местоположение» [16. С. 195]). Город Гудзон отмечен медиационностью, торговостью («оконечный пункт бостонской железной дороги», «большое участие в речном судоходстве и торговле» [16. С. 198]) и индустриальностью («до 70 фабричных заведений разного рода» [16. С. 198–199]). Репрезентации Пукепси (Покепси) присущи мотивы демиприродной рекреационности («Пукепси, окруженное множеством всякого рода дач, садов и парков и наиболее предпочитаемое нью-йоркскими жителями»), а также, несмотря на малый размер, цивилизованности, выраженной в образах четырех банков и трех или четырех газет, что отличает его от русского провинциального пространства: «И у нас есть города в 15 000 жителей, отстоящие на 75 миль от Петербурга или Москвы, а сколько в них считается банков и издается газет???...» [16. С. 199]. Чуть более подробна характеристика Олбани, маркированного прежде всего торговостью и медиационностью («в Олбани малые суда выходят из каналов в Гудзон и по нему буксируются пароходами в Нью-Йорк» [16. С. 201]; «стоит в начале морского судоходства» [16. С. 201–202]; «центр главнейших железных дорог к Нью-Йорку, Бостону, в Канаду, к большим озерам, к Чикаго и на дальний запад (West), так что все эти условия делают из него пункт огромной важности, замечательный развитием своей огромной торговли» [16. С. 202]; «Пункт этот есть средоточие нескольких железных дорог и водяных путей. <...> вся торговля больших озер и вся масса хлеба с дальнего запада, отправляющиеся к Нью-Йорку водою, непременно проходят чрез Олбани» [17. С. 189]), а также столичностью («столица Нью-Йоркского штата» [16. С. 201]), обусловленными торговостью, масштабностью и быстрым развитием («Этим объясняется огромное развитие этого города <...> этим также объясняется 60 000-ное население Олбани» [17. С. 189]), индустриальностью («в Олбани одно из интереснейших заведений есть фабрика земледельческих машин и орудий братьев Емери» [16. С. 202]; «В ряду этих фабрикаций заведение братьев Емери в Олбани занимает видное место и снабжает своими машинами наш Департамент Сельского хозяйства» [16. С. 203]). По признакам расположения на реке и грязи Олбани напоминает Романову то ли Шлиссельбург, то ли Рыбинск, что выражено, впрочем, довольно косноязычно, поскольку аналогия, по мнению самого автора, неполная: «Я бы и самый Олбани сравнил с Рыбинском, но тут нет аналогии¹¹ <...> Это скорее наш Шлиссельбург, в котором, однако, шлиссельбургского или рыбинского вы только и

найдете, что одну подобную же грязь на пристани и улицах; прочее все непохоже» [16. С. 201].

В то же время, напомним, пространству Покепси не хватает культурности и воспитанности, что проявляется не только в неинтересности для нарратора посещения местных учреждений культуры, но и в устройстве местной железной дороги с минимальным сервисом, грубостью¹², но дешевизной (проявление американской утилитарности): «У вагона <...> примут под открытым небом вашу поклажу, если вы догадаетесь принести ее; в одном из сараев <...> выдадут вам билеты, если вы догадаетесь отыскать это окно и подойти к нему; наконец, подойдет машина, прицепится к вагонам и потащит их, а с ними и вас, если вы заблаговременно сядете в эти вагоны, не дожидаясь ни звонков, ни криков, ни приглашений. <...> Хотелось бы спросить обо всем кондуктора, да его нельзя отличить от обыкновенных смертных; он одет так же, как и все пассажиры. Спросите в кассе (Ticket office), вам не ответят – некогда, там выдают билеты; спросите у багажа, там, после трех вопросов, если и проворчат что-нибудь, то так грубо, что вам сделается неприятно, а иногда и так неопределенно, что вы все-таки ничего не поймете. Говорят <...> так и следует быть на железных дорогах, чтобы они могли быть дешевы. О дешевизне не спорю, но для пассажиров-иностранцев, привыкших к европейским железным дорогам, это крайне неприятно [17. С. 190]. Также отметим мотив грязи как проявления деловой утилитарности «непарадного» пространства («внутри... грязь») и острающую деталь – прохождение железной дороги через город вследствие опять же утилитарности этого решения с игнорированием опасности для горожан: «Здесь нигде не стесняются проложить чутунки чрез города, по улицам; ни застав, ни часовых нет, только надписи на столбах, предупреждающие остерегаться идущего поезда. Паровоз по улицам идет тихо, останавливается, если видит препятствие и звонит все время в большой колокол, привешенный сверху его. Все это делается, чтобы не стеснять городского движения» [17. С. 190]. Наконец, в локусе железной дороги находит отражение мотив американской самостоятельности/независимости: «Здесь... ничего нет, и никого нет, чтобы спросить <...> Вам нужно ехать, и потому действуйте сами: отыскивайте кассу, вагоны, поклажу... а указывать вам, нянчиться с вами никто не будет» [17. С. 190]; «благостный этот предупреждает всех об опасности, а если затем вам угодно быть смятым, суньтесь под паровоз, и никто вам не скажет ни слова, потому что вы хозяин своей кожи» [17. С. 190–191].

Образы провинциальных городов в тексте Армфельта более амбивалентны. Здесь мы встречаем относительно положительно, при этом кратко охарактеризованные топосы Буффало («довольно значительный город»), Олбани («небольшой, но красивый город» [18. С. 24]), Балтимор («Город великолепно и правильно выстроен и может иметь смелость сравниваться с Нью-Йорком (конечно не по величине: он втрое меньше). Главная улица Baltimore-Street полна прекрасными магазинами и чиста» [18. С. 40]. Иные места охарактеризованы негативно – мотивами непривлекательности, незначительности: «Эльмира в сравнении с Альбани и

Буффало – просто дрянь» [18. С. 27]; «Местечко у форта Монроэ (Old Point) имеет вид деревни, очень небольшой и некрасивой» [18. С. 36]. Отрицательные свойства пространства усилены контекстом войны за независимость, способствующей разрушению, росту энтропии: «В единственном store'е можно достать все, чем прилично торговать в подобном месте, где главное народонаселение – солдаты» (о Монро) [18. С. 36]; «Город вообще скверный: грязь везде солдаты <...> зданий-то порядочных очень мало. <...> нас повезли осматривать развалины Navy-Yard, наибольшего адмиралтейства в свете. Действительно, судя по выжженным огромным зданиям видно, что тут успешно работали тысячи рук. <...> общий вид его весьма печален; даже частью гранит, встречающийся в постройках, полопался от жару. Оно было выжжено в 1861 году южанами <...> остались только развалины, а от огромных складов дерева и металлов – одни воспоминания» (о Норфолке) [18. С. 36–37]. Следует подчеркнуть, что пространство войны вообще сильнее проявлено в тексте Армфельта, чем Романова, что, вероятно, обусловлено временным разрывом между написанием трагедий. Для последнего автора противостояние Севера и Юга еще во многом иллюзорно, окрашено театральностью и слабо выражено. Для Армфельта, который воочию наблюдает разрушения, причиненные войной, та более реальна. При этом у него происходит своего рода дихотомизация, когда «театрально-парадная» сторона войны оказывается закрепленной за пространством Нью-Йорка, а энтропийно-мortalная – за иными американскими городскими топосами. Наконец, Армфельт как член экипажа русской военной эскадры сильнее Романова вовлечен в военный социально-исторический контекст: само появление эскадры в Нью-Йорке есть свидетельство косвенного вмешательства российской империи в американскую политику на стороне северян.

Двойственность проявлена в описаниях Александрии, маркированной немасштабностью («маленький городок»), частично упорядоченностью («одна порядочная улица наполнена магазинами», частично военной энтропией («все улицы перегорожены баррикадами, и на каждом шагу встречаются солдаты»; «пьяные солдаты по ночам шляются по улицам и бесчинствуют»), непривлекательностью («такой урод» [18. С. 33]), а также Анаполиса, отмеченного как привлекательностью, так и непривлекательностью, пустотой, незначительностью, заурядностью, старостью: «С рейда город весьма красив <...> как столица Мэрилендского штата имеет капитоль, здание которого, впрочем, весьма обыкновенное <...> Площадь <...> самое чистое место города; семь небольших двухэтажных, совершенно одинаковых, кирпичных домов (госпиталь) – стоят... у задней изгороди площади; по ней тянутся кирпичные тротуары; затем, кроме каких-то сараев и двух монументов <...> она пуста. <...> город едва ли не хуже Александрии; по его строениям видно, что он принадлежит к числу самых старых городов Соединенных Штатов; улицы грязны (конечно, есть исключения), лавки хотя и есть порядочные, но в общем тоже дрянь; две-три гостиницы, построенные, должно

быть, в прошлом столетии, рынок тоже довольно некрасивый, и ни одного порядочного здания» [18. С. 39–40]. Вообще, Армфельт подчеркивает острающую деталь, характерную для пространства США, где столицы штатов могут выглядеть хуже, чем нестоличные городские топосы: «...американские столицы не лучшие города, потому что столицы и не столицы, потому что лучшие города, а потому что в них резиденции правительства. Поэтому и Albany столица Соединенных Штатов» [18. С. 33]. В образе Вашингтона этот мотив нестолично выглядящей столицы подчеркнут особо в сравнении со столичными пространствами Старого Света: «Если бы вы, только что кончивши путешествие по Европе, приехали бы в Нью-Йорк и, ничего не зная, поехали бы в Вашингтон, вы бы от него ждали того же, что от Петербурга после Ревеля, или от Парижа после Бреста» [18. С. 33]. Но нью-йоркский топос явно превосходит по всем параметрам вашингтонский. В описании последнего немного маркированных привлекательностью, масштабностью и значительностью локусов («великолепное здание капитолии, строящийся памятник великому основателю республики» [18. С. 32]; «несколько интересных зданий» [18. С. 33]; «великолепное колоссальное здание американского конгресса, действительно поражает громадностью и великолепием архитектуры. Оно окружено парком, <...> летом, должно быть, порядочным» [18. С. 34]). Превалируют же негативные мотивы, характерные для репрезентации американской провинции у Армфельта – неприглядности, грязи, заурядности: «...я б никому не советовал ездить туда. Улицы уродливы и грязны, магазины те же что в Александрии, те же что в Петербурге на Васильевском острове. Город весь набит солдатами, улицы пусты» [18. С. 34], в данном случае американская столица сравнивается с «непарадным» пространством Своего – Васильевским островом, а не Невским проспектом, аналогом нью-йоркского Бродвея. Сходно остранено и описание локуса президентской резиденции, маркированной немасштабностью и заурядностью (наряду с умеренной привлекательностью): «Что же в нем особенного? думал я, когда увидел маленький красивый дом, окруженный парком, и пришел к тому заключению, что ровно ничего; только то, что тут живут президенты Соединенных Штатов» [18. С. 34]. Мотив простоты/демократичности проявлен и в открытости пространства дома (президента) внешнему влиянию: «по пятницам янки имеет право прийти к Президенту и протянуть ему руку» [18. С. 34].

Пространство исторической памяти в романовском травелоге выражено слабее, чем у Свинына [9. С. 101]. В фактографической манере сообщается лишь, что река Гудзон «была открыта в 1609 году датским мореплавателем Генрихом Гудзоном» [16. С. 194], Олбани же как «ровесник Нью-Йорка... основан вместе с ним голландцами в 1614 году, т.е. чрез 7 лет после первого плавания Генриха Гудзона по этой реке <...> Нью-Йорк назывался тогда Новый Амстердам, а Олбани был заложен сначала на острове <...> но чрез 9 лет на матером берегу был основан форт Orange, превратившийся потом в город Олбани» [16. С. 189]. Кроме

того, особо отмечен Вест-Пойнт как место, «около которого совершались все главные операции войны за независимость» [16. С. 194]. Здесь пространство исторической памяти зафиксировано в репрезентации целого ряда локусов: «остатки старинных фортов, “Сад Костюшко” с монументом в честь него, дом бывшего коменданта и проч.» [16. С. 194]. В тексте Армфельта пространство исторической памяти и вовсе отсутствует.

Таким образом, в рассмотренных нами русских травелогах 60-х гг. XIX в. пространственным центром является репрезентация Нью-Йорка. Общими элементами для текстов выступают также фактографическая манера повествования и ряд мотивов, характеризующих американское городское пространство в произведениях, а именно мотивы гигантизма, где именно масштаб локуса, например системы водоснабжения, служит отличительным признаком, делающим его уникальным в целом свете, а также наполненности движением и людьми, денег, торговли, индустриальности, техницисткой цивилизованности, сервиса (особенно при изображении гостиничных локусов), утилитарной целерациональности, сочетающиеся с мотивом некультурности, невоспитанности янки, что, в свою очередь, актуализирует мотивы неинтересности/скуки/заурядности, проявленные при описании провинциальных урбанистических топосов, культурных локусов музеев, театров и т.п. Кроме того, русские авторы часто прибегают к приемам сравнения, остранения и травестики при изображении американскости как более Чужого (воплощения пространства Нового Света) относительно менее Чужого (западноевропейскости как освоенного Чужого) и Своего (русскости), являющихся пространственными вариантами территории Старого Света. В связи с этим отметим, что особенно остранены и травестированы мотивы тотальной, всепроникающей рекламы, связанной с мотивом торговли, а также американского национализма/патриотизма и войны (как кажимости/наигранности/театральности).

В то же время существует ряд различий в изображении американских городов Романовым и Армфельтом. Первый делает акцент на репрезентации «непарадной» части Нью-Йорка, воплощенной в локусе гавани, который маркирован мотивами непривлекательности, торговли, утилитарности, грязи. Пространства деловых Сити и Уолл-стрит, а также роскошного Бродвея лишь обозначены в тексте. Также образ гавани соединяет в себе значения медиационности (посредством речной океанской и речной коммерции) и одновременно границы-«бордюра» внутреннего городского и внешнего пространств. Бродвей в данном контексте выступает также медиационным локусом, но уже в рамках самого топоса, соединяя деловые локусы Сити и Уолл-стрит с гаванью. Армфельт, напротив, больше описывает не техницистский и коммерческий, а «парадный» Нью-Йорк, зафиксированный в центральных локусах Бродвея, авеню и «именных» стритов. Они отмечены чертами привлекательности, роскоши, богатства и частично торговли (в описании локусов магазинов). Впрочем, нью-йоркская пространственность в

тексте «Корвета “Варяг”...» также амбивалентна и контрастна, что зафиксировано в локальных проявлениях мотивов привлекательности и непривлекательности, богатства и бедности в общем пространстве города. В целом, этот контраст в данном тексте выражен в репрезентации Нью-Йорка сильнее, чем в образе Петербурга. При этом мотивами чистоты и упорядоченности отмечены армфельтовские описания богоугодных заведений, не зафиксированных Романовым, что позволяет Армфельту маркировать Нью-Йорк отрицанием мотива нищеты. В романовском же тексте ярче проявлены мотивы новизны и фронта в изображении нью-йоркских окрестностей.

В целом, провинциальные городские топосы США, в отличие от Нью-Йорка, описаны обоими авторами слабо, составляя малоинтересную для них, семиотически не значимую периферию репрезентации американского урбанистического пространства, что порождает значительный нарративный дисбаланс. Романов делает

большой акцент на идиллической демиприродности подобных мест, представленных в общих чертах и сохраняющих связь с нью-йоркской пространственностью, т.е. образ Нью-Йорка довлеет над иными образами и примешивается к ним. Армфельт в своих описаниях чуть более подробен, при этом его репрезентации американской городской провинции критичней, в ней больше энтропийных, отрицательных черт (грязь, непривлекательность, заурядность, скука), в том числе связанных с вторжением пространства войны в жизнь американского Севера. С другой стороны, Романов, пусть отдельными чертами, но изображает американское пространство исторической памяти. В тексте же Армфельта оно фактически отсутствует, что соответствует русским культурным представлениям XIX в. о неисторичности или слабой историчности пространства США как своего рода *tabula rasa* Нового Света, которое, прежде всего, связано с современным нарратору темпоральным слоем.

Примечания

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источников приближены к современным. — *Авт.*

² Мотив привлекательности Нью-Йорка (а не его окружения) встречается у Романова единожды («Вид на реку здесь великолепен» [16. С. 188]), но при этом акцентировано не урбанистическое, а природное (речное) пространство.

³ Нью-Йоркский фрагмент текста Армфельта вообще несколько экспрессивнее, чем романовский травелог. Еще плывя в Америку нарратор предвкушает «приход в эту блаженную страну, в Нью-Йорк» [18. С. 9], что вносит в повествование мифопоэтические «райские» коннотации. Сцена расставания с городом носит намек на ониризм, перенесение в пространство грез о прошлом: «Я не уходил сверху пока мы не вышли из New-York-bay, и воспоминания дней, проведенных в Америке и уже потерянных безвозвратно, не переставали тревожить мое воображение. Я следил за скрывающимся берегом, пока он не утонул в горизонте, и никак не мог войти в свое настоящее положение: мне все казалось, что мы скоро вернемся в Нью-Йорк...» [18. С. 50]. В то же время пафос попадания в «блаженную страну» частично снижен глоттонией: наряду с предвкушением «удовольствий впереди: посмотреть Нью-Йорк, познакомиться с Новым светом», Армфельт ожидает пополнения скудных корабельных припасов: «солонина с макаронами, и макароны с солониной, да горох и капуста, да по праздникам кусочек поросенка в продолжении 50 дней, как хотите, надоест даже самому терпеливому немцу, а не только нам» [18. С. 10].

⁴ Таким образом, в пространстве Нью-Йорка отрицается всякая неутилитарность, в том числе гуляние ради удовольствия, как акт эстетического созерцания действительности и праздного времяпрепровождения.

⁵ Ср. гипертрофированную, гротескную образность американского флага в сочетании с «низкими», комическими образами знаменосца-северянина и знамени-одеяла: «...джентльмен с помятой физиономией, в форменном кепи, в кашне и коричневом пальто, нес такое большое знамя Американского Союза, что оно, наверное, могло бы служить одеялом всем 42 Soldiers» [16. С. 199]. В целом, войны-северяне, встречаемые нарратором, показаны травестийно-негативно: «кучка американского воинства» [16. С. 199]. В описании акцентированы мотивы игры-наигранности и фальши: «Музыка затянула фальшивый мотив, что-то среднее между полькой и маршем, из толпы выступило воинство» [16. С. 199]; «Многие, не расставаясь со своими ружьями <...> выделяли ими всякие штуки пред публикою, спускали курки (незаряженные), словом с полным самодовольством играли этой новой для них вещью пред всеми, как дети играют новыми игрушками. Многие принимали живописный и, как они, вероятно, воображали, воинственный вид, рисуясь у колонны или развалясь в кресле. Музыка... к всеобщему удовольствию публики несколько раз принималась играть Yankee Doodle, фальшивая немилосердно» [16. С. 200]. Образ янки у Армфельта также комически-остранен, снабжен мотивом кажимости, игры на публику, что подчеркнуто в травестийном описании локуса парикмахерской, где важность вида (внешне-телесное) скрывает внутреннее содержание или его отсутствие: «Посмотрите на этого янки, что уселся в углу на высочайшем кресле, и, задрав ноги к потолку, на нарочно устроенных подставах, превратно смотрит в зеркало; попробуйте угадать об чем он думает? занят ли он чем, решает ли он может быть судьбу Америки, мечтает ли он себя президентом, или он ни о чем не думает» [18. С. 18]. Встречаем у Армфельта и травестийные образы северян-военных, начиная с упоминания батальона, состоящего «из миллионеров и капиталистов» [18. С. 22] и заканчивая изображением «милиции»: «Говорить ли об этих войсках? как-то не хочется; <...> когда какой-то господин, прошедший... в восторг и от этой невидаль, обратился ко мне с наивным вопросом: видал ли я когда-нибудь такие полки, я <...> улыбнулся» [18. С. 21]. Трагикомично изображение ополчения, «пушечного и ружейного корма», отправляющегося на войну: «старый джентльмен в брыжах и цилиндре идет около того мальчишки с барабаном и вперил полубессмысленно глаза в кривобокого соседа с другой стороны» [18. С. 29]. В тексте Армфельта сильнее, чем у Романова, проявляются антивоенные настроения, показано отрицательное влияние войны, расчеловечивающей и искажающей принципы американского государства как пространства свободы и равенства: «Торжество республиканской партии, фактически доказанное избранием благородного Линкольна, хоть и доказывает, что эта великая идея одержала верх, но посмотрите, какими средствами оно должно торжествовать!» [18. С. 28]. Здесь же актуализирован и мотив театральности, т.е. войны как зрелища: рекрутов «ведут во Broadway напоказ публике» [18. С. 28–29].

⁶ Американская практичность означает не только умение проектировать инженерные сооружения, но и быстро создавать их, т.е. трансформировать пространство под свои нужды: «предвидимый недостаток воды породил уже новые... не проекты, а работы» [16. С. 192].

⁷ Америка вообще изображена Романовым как пространство техницистски-утилитарное и практически ориентированное, тяготеющее к упорядоченности и системности: «если что достойно изучения в Америке, так это система тюремного заключения, не говоря уже о практическом применении всех чистых наук к общежитию» [16. С. 201]. Кстати, автор особо упоминает тюремный локус: «на противоположном берегу Sing-Sing, где на берегу реки весьма заметна тюрьма Нью-Йоркского штата» [16. С. 190].

⁸ Ср. у Армфельта: «Brooklyn и Jersey можно назвать предместьями Нью-Йорка, хотя они каждый отдельно огромные города» [18. С. 15].

⁹ Мотив новизны встречаем и в армфельтовском описании Центрального парка как «еще только начинающего свое существование» [18. С. 16].

¹⁰ По меньшей мере, частично из фронтирности, недоупорядоченности, по Романову, проистекает сходство американского и русского пространств. Причем русскость выступает часто в вариантах сибирскости (русский восточный фронтир) или волжскости: «берег <...> окаймлен таким же русским или сибирским лесом» [16. С. 189]; «В американской сельской природе вы найдете больше сходства с Россией, чем с остальной Европой. Так и здесь: берега Гудзона в этом месте скорее напомнят вам родную Волгу в Ярославской и Костромской губерниях, чем европейские реки» [16. С. 196]; «река <...> у Ольбани... имеет вид Волги у Рыбинска» [16. С. 201].

¹¹ Ср. с фрагментом об одновременных похожести и непохожести Волги на Гудзон: «этим я нисколько не думаю уверять, что верхняя Волга похожа на Гудзон, который здесь в два или три раза шире ее. Но воспоминание о Волге делается еще сильнее, глядя на эту вереницу судов и пароходов, встречающихся по Гудзону, которую вы не увидите ни на одной из европейских рек – кроме Волги. Но надобно видеть какие гиганты-пароходы плавают здесь, в сравнении с судами нашей Волги» [16. С. 196].

¹² Единственной сферой, где американец изображен относительным джентльменом – это пространство дороги, что мы встречаем и у Свиньи [9. С. 99], и у Армфельта при описании нью-йоркского транспорта: «Вот леди какая-нибудь переходит улицу; ее ведет полицмен под руку, с палочкой в руке, и свистком останавливает все – и воз с товарами, обещанными к сроку, и дилижанс с нетерпеливыми пассажирами <...> этого нигде не увидите, кроме Америки. <...> входит леди, но уже как нарочно места нет; ближайший кавалер встает и, держась за поручни, простаивает всю дорогу; да еще леди ему дает 10 сентов, и он обязан прождать у колокольчика пока дадут сдачи. <...> выходит джентльмен – он (стежд-дилижанс. – Авт.) только поедет немного тише, выходит леди – опять full stop – что ни шаг – везде виден янки» [18. С. 18–19].

Список источников

1. Анциферов Н.П. Радость жизни былой... Проблема урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2014. 656 с.
2. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург ; Тарту, 1984. С. 30–45.
3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство–СПБ, 2003. 617 с.
4. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : НГУ, 1999. 392 с.
5. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно, 2014. 436 с.
6. Рудикова Н.А. Образы Парижа в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX вв. : диалог культур : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 222 с.
7. Жданов С.С. «Военно-ученый» Берлин: идеализированный образ прусской монархии в травелоге Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/489/1
8. Воробьева Л.В. Лондонский текст в творчестве Е.И. Замыatina как смоделированное пространство // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 15–19.
9. Жданов С.С., Федотова Н.В. Образ Нью-Йорка в путевой прозе П.П. Свиньи // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск : сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопропространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». Новосибирск: СГУГиТ, 2024. С. 97–104. doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-97-104
10. Федотова Н.В. Образ американских городов в травелоге «По Америке. Поездка в Канаду и Соединенные Штаты» П.С. Алексеева // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск : УГУ, 2023. С. 306–309.
11. Головкин Э.М. Жанр путешествия в литературе первой половины XX века: образ Нью-Йорка в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского. Молодые ученые : сб. докл. Вып. 22. Благовещенск : БГПУ, 2022. С. 170–173.
12. Набилкина Л.Н. Американский город глазами Ильи Эренбурга и Виктора Некрасова // Приволжский научный вестник. 2013. № 8-2 (24). С. 119–123.
13. Аразова М.А. «Нью-Йорк – Питсбург» как итоговая поэма Ивана Елагина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2018. № 5. С. 63–71.
14. Набилкина Л.Н. Образ Нью-Йорка: гуманистический и отчужденный // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3 (28). С. 71–74.
15. Бутенина Е.М. Нью-йоркский текст современной русско-американской прозы // Studia litterarum. 2019. № 3. С. 158–171.
16. Романов Д. Река Гудзон // Морской сборник. 1862. Т. LVIII, № 3. С. 185–203.
17. Романов Д. Монреаль // Морской сборник. 1862. Т. LXI, № 8. С. 189–211.
18. Армфельт Г.Ф. Корвет «Варяг»: Воспоминания из кругосветного плавания. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 гг. СПб. : Тип. В. Веллингга, 1867. 267 с.
19. Westphal B. Geocriticism. Real and Fictional Spaces. London : Palgrave Macmillan, 2011. 192 p.

References

1. Antsiferov, N.P. (2014) *Radost' zhizni byloy... Problema urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsiy* [The Joy of Life Past... The Problem of Urbanism in Russian Fiction. An Attempt to Construct the Image of the City – Dostoevsky's Petersburg – Based on an Analysis of Literary Traditions]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya.
2. Lotman, Yu.M. (1984) *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The symbolism of Petersburg and the problems of urban semiotics]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam*. 18. pp. 30–45.
3. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPB.
4. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
5. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Salerno: Collana di Europa Orientalis.
6. Rudikova, N.A. (2011) *Obrazy Parizha v russkoy i frantsuzskoy literaturakh kontsa XVIII – serediny XIX vv.: dialog kul'tur* [Images of Paris in Russian and French literatures of the late 18th – mid-19th centuries: dialogue of cultures]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Zhdanov, S.S. (2023) "Military-scholar" Berlin: An idealized image of the Prussian monarchy in Nikolay Gertsch's travelogue "Real Journey to Germany in 1835". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/1
8. Vorob'eva, L.V. (2008) *Londonskiy tekst v tvorchestve E.I. Zamyatina kak smodelirovannoe prostranstvo* [The London text in the works of E.I. Zamyatin as a modeled space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 308. pp. 15–19.
9. Zhdanov, S.S. & Fedotova, N.V. (2024) [The Image of New York in the Travel Prose of P.P. Svinin]. *Interekspo GEO-Sibir'* [Inter Expo GEO-Siberia]. 20th International Congress. Vol. 5. Novosibirsk. 15–17 May 2024. Novosibirsk: Siberian State University of Geosystems and Technologies. pp. 97–104. (In Russian). doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-97-104
10. Fedotova, N.V. (2023) [The image of American cities in the travelogue Across America. A trip to Canada and the United States by P.S. Alekseev]. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v kontekste mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva: opyt i perspektivy* [Strategies for Intercultural Interaction in the Context of the Global Educational Space: Experience and Prospects]. Proceedings of the 10th International Conference. Izhevsk. 21–22 November 2023. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 306–309. (In Russian).

11. Golovko, E.M (2022) [The genre of travel in the literature of the first half of the 20th century: the image of New York in the work of I. Ilf and E. Petrov One-Storied America]. *Chleniya pamyati professora Evgeniya Petrovicha Sychevskogo. Molodye uchenye* [Readings in Memory of Professor Evgeny Petrovich Sychevsky. Young Researchers]. Proceedings of the Conference. Vol. 22. Blagoveshchensk. 1 March 2022. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 170–173. (In Russian).
  12. Nabilkina, L.N (2013) Amerikanskiy gorod glazami Il'i Erenburga i Viktora Nekrasova [The American city through the eyes of Ilya Ehrenburg and Viktor Nekrasov]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*. 8-2 (24). pp. 119–123.
  13. Arazova, M.A (2018) "N'yu-York – Pittsburgh" kak itogovaya poema Ivana Elagina ["New York – Pittsburgh" as Ivan Elagin's Final Poem]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. 5. pp. 63–71.
  14. Nabilkina, L.N (2011) Obraz N'yu-Yorka: gumanisticheskiy i otchuzhdennyy [The image of New York: humanistic and alienated]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3 (28). pp. 71–74.
  15. Butenina, E.M (2019) N'yu-yorkskiy tekst sovremennoy russko-amerikanskoy prozy [The New York text of contemporary Russian-American prose]. *Studia litterarum*. 3. pp. 158–171.
  16. Romanov, D (1862) Reka Gudzon [The Hudson River]. *Morskoy sbornik*. 3 (58). pp. 185–203.
  17. Romanov, D (1862) Monreal' [Montreal]. *Morskoy sbornik*. 8 (61). pp. 189–211.
  18. Armfel't, G.F (1867) *Korvet "Varyag": Vospominaniya iz krugosvetnogo plavaniya. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 gg.* [Corvette Varyag: Memories from a Round-the-World Voyage. 1863, 1864, 1865, 1866, 1867]. Saint Petersburg: Tip. V. Vellinga.
- Westphal, B (2011) *Geocriticism. Real and Fictional Spaces*. London: Palgrave Macmillan.

Информация об авторах:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Федотова Н.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: nf2363@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

N.V. Fedotova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nf2363@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 03.03.2025;
approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.*